

А.Е. Ландау

Еврейская библиотека

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.Е. Ландау**
Еврейская библиотека: Том 8 / А.Е. Ландау – М.: Книга по Требованию, 2014. –
452 с.

ISBN 978-5-4241-5476-8

Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. Том 8

ISBN 978-5-4241-5476-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МОИСЕЙ МЕНДЕЛЬСОНЪ.

(По поводу столѣтней юбилея его рожденія).

«Великою порой» назвалъ Пушкинъ время полтавской побѣды, рѣшившей дальнѣйшую судьбу петровской реформы. «Великой порой» была и для Германіи половина восемнадцатаго вѣка, эпоха реформаторской дѣятельности Фридриха Великаго. Проникнутый просвѣтительными идеями своего времени, Фридрихъ раздвинулъ шлюзы, сдерживавшіе наплывъ этихъ идей изъ Франціи и Англіи въ Германію, и благотворно освѣжялъ умственные интересы и силы своего отечества. Затертые и сдавленные въ колодкахъ самаго узкаго протестантскаго піетизма и всяческой рутинѣ, лучшіе умы Германіи ринулись впередъ тѣмъ съ большею энергіей, чѣмъ дольше они были сдерживаемы прежде системой предшественника Фридриха Великаго, повлекшей за собою гоненія, въ родѣ изгнанія философа Вольфа изъ Галле. Новыя идеи французскихъ и англійскихъ мыслителей, системы Лейбница, Вольфа и Спинозы стали при Фридрихѣ Великому предметомъ открытаго и свободнаго обсужденія. Приволье и просторъ открылись для нѣмецкой мысли во всѣ стороны. Успѣхамъ умственной жизни соответствовали военныя побѣды даровитаго и энергическаго короля, поднявшія высоко уровень національнаго самозванія. Приобщенный самъ движенію своего времени, этотъ живой и практическій умъ сегодня работалъ надъ важнѣйшими въ то время философскими вопросами, а завтра одерживалъ побѣду или терпѣлъ поражение. При такихъ условіяхъ, военное время не прерывало на-долго умственной жизни общества. Разъ начавшееся движеніе продолжалось безостановочно, и плоды его были сначала Лессингъ и его кружокъ, а потомъ и вся классическая литература Германіи, съ Шдллеромъ и Гете во главѣ.

Оно бросило плодотворное зерно въ жалкую, униженную, разобщенную съ остальнымъ міромъ и погрязшую въ суевѣріяхъ и предрасудкахъ среду

нѣмецкихъ евреевъ. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, этихъ несчастныхъ отверженцевъ общества уже не подвергали пыткамъ, не жгли и не грабили, какъ въ средніе вѣка; но ради государственныхъ соображеній и общей пользы, надъ ними еще тяготѣла масса законодательныхъ стѣненій, искусственно поддерживавшихъ ихъ особность и низкую степень умственного развитія. Во многихъ городахъ евреи совсѣмъ не имѣли права жить; въ другихъ они допускались только въ опредѣленномъ числѣ; въ нѣкомъ городѣ, гдѣ евреи могли селиться, имъ запрещено было жить въ угловыхъ домахъ; въ другомъ имъ дозволялось только опредѣленное количество браковъ, и вездѣ приходилось платить, кромя общихъ государственныхъ налоговъ, еще и разные спеціальныя сборы, нерѣдко самаго оскорбительнаго свойства. При Фридрихѣ Вильгельмѣ I берлинскіе евреи должны были покупать животныхъ, убитыхъ на большихъ придворныхъ охотахъ. Подобные порядки до того вошли въ нравы и укоренились, что и при Фридрихѣ Великомъ каждый еврей, вступающій въ бракъ, былъ обязанъ тратить известную сумму на покупку фарфоровыхъ издѣлій съ вновь основанной королевской фарфоровой фабрики, и притомъ не по собственному выбору, а по усмотрѣнію фабрики, которая, такимъ образомъ, сбывала свой полежаый товаръ. Единственнымъ средствомъ къ пропитанію служило имъ мелкая торговля, и то не вся: они, напримѣръ, не имѣли права торговать москательнымъ товаромъ, составлявшимъ предметъ особаго цеховаго промысла, и торговали исключительно старымъ платьемъ, мелочнымъ товаромъ да деньгами. Торговля деньгами дѣлала ихъ по преимуществу ростовщиками. Ни одно болѣе благородное занятіе не было имъ доступно, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что даже и великое движеніе умовъ въ эпоху реформаціи и возрожденія не коснулось еврейской среды, затертой, подавленной своимъ вѣковымъ униженнымъ положеніемъ и поглощенной заботами о насущной копейкѣ. Совершенно разобщенная съ остальнымъ міромъ, еврейская среда ушла въ себя, въ свои допотопныя обычаи и преданія, представлявшіе ей единственную нравственную и общественную точку опоры. Самосохраненіе заставило ихъ сплотиться, поддерживать другъ друга и съ ревностью, близкой къ изуверству, охранять свою народность и вѣру отъ всякаго притока свѣжаго и вольнаго воздуха извнѣ. Строгая семейная жизнь, безусловная преданность своему племени и узкая религіозность отличали это племя въ тогдашней Пруссіи; старыя, давно сложившіяся формы жизни сковали его по рукамъ и по ногамъ. Евреи имѣли свой языкъ—какую-то варварскую смѣсь еврейскаго съ нѣмецкимъ, свой особенный способъ одѣваться, держать себя, убирать волосы и носить бороду: всѣмъ этимъ внѣш-

нимъ мелочамъ придавалось преувеличенно-важное значеніе. Еврея можно было узнать за версту. Единственнымъ предметомъ ихъ ученія были священныя книги; ученіе было мертво, прадалось около буквы, и не давало никакого умственного развитія. Литературнымъ языкомъ евреевъ оставался древне-еврейскій языкъ, совсѣмъ непригодный для выраженія новыхъ идей и понятій. Нѣмецкаго литературнаго языка они совсѣмъ не знали: онъ считался даже нечестнымъ, ему запрещали учиться. Наставниками еврейской среды были большею частью польскіе евреи, тоже не знавшіе нѣмецкаго языка и систематически поддерживавшіе общее невѣжество. Говеніе на всякую новизну, на всякій признакъ современнаго образованія, и упорное отстаиваніе укоренившагося обычая — вотъ что ставили себѣ главною задачею вышедшіе изъ Польши раввины, ревниво охранявшіе свое вліяніе и свою власть надъ темною еврейскою массою. Учиться чему-нибудь, кромѣ раввинской мудрости, хорошо говорить по-нѣмецки или читать нѣмецкую книгу считалось ересью и святотатствомъ.

Въ эту-то, повидимому, непроницаемую среду религіозной и бытовой исключительности, суевѣрія и невѣжества, незатронутую даже и сильными вліяніями реформаціи и возрожденія, прорвался могучій духъ восемнадцатаго вѣка и, нарушивъ ея низменный, жалкій покой, захватилъ ее въ общій круговоротъ европейскаго движенія. Окаменѣлая среда прусскаго еврейства, конечно, не сразу подалась его всеильному вліянію. Чѣмъ неподвижнѣе и крѣпче обычные устои среды, тѣмъ медленнѣе совершаются въ ней процессы общественнаго перерожденія. Но въ половинѣ восемнадцатаго вѣка было положено безспорное начало тому реформаторскому движенію, которое потомъ приобщило прусское еврейство къ обще-европейской цивилизаціи.

Посредницей между ними явилась, какъ всегда бываетъ и не можетъ не быть въ подобныхъ случаяхъ, высшая сравнительно культура страны, въ которой евреи жили особымъ народомъ, — нѣмецкая культура.

По виду, на поверхности, все еще шло по старому въ тихомъ еврейскомъ болотѣ. Только мѣстами, кое-гдѣ, показались огоньки, замѣтные немногими, но потомъ разгорѣвшіеся въ яркое пламя. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, въ еврейской средѣ Пруссій произошло нѣчто подобное тому, чему, на первыхъ порахъ петровской реформы, былъ свидѣтелемъ нашъ Холмогорскій уѣздъ, когда юный Ломоносовъ уходилъ оттуда учиться въ Москву. Четырнадцатилѣтній сынъ бѣднаго писца и учителя еврейской общины въ Дессау, Менделя, по имени Моисей, безъ средствъ и одинокій, пробрался изъ Дессау въ Берлинъ, томимый жаждой знанія и свѣта, и

собственными силами, почти самоучкой, достигъ широкаго по тому времени умственнаго развитія и образовательнаго вліянія не только на свою бѣдную и приниженную еврейскую среду, но и на тогдашнюю нѣмецкую литературу и публику.

I.

Этотъ даровитый юноша-еврей, въ душѣ котораго зажглась первая просвѣтительная искра вѣка, родился въ 1729 году (6 сентября). Отецъ его былъ бѣденъ и занималъ крайне зависимое положеніе учителя еврейской начальной школы въ городѣ Дессау. Онъ принадлежалъ, по тогдашнему, къ болѣе образованнымъ евреямъ и съ такою строгостью обучалъ своего сына, чему только могъ научить его, что раннее первоначальное ученіе горько отозвалось потомъ на сынѣ слабымъ здоровьемъ и искривленіемъ позвоночнаго столба. Мальчикъ уже пяти лѣтъ переросъ учительскія знанія своего строгаго отца, и послѣдній сталъ посылать его въ болѣе крупную школу нѣкоего рабби Френкеля. Мальчикъ страстно привязался къ новому учителю и сталъ его ревностнѣйшимъ ученикомъ. Но Френкель вскорѣ былъ призванъ въ Берлинъ на мѣсто главнаго раввина, и въ едва лишь начавшейся жизни юноши наступила критическая минута. Отецъ его былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы давать ему средствъ къ дальнѣйшему ученію; ему предстояло сдѣлаться разнощикомъ мелкаго товара, бродить изъ деревни въ деревню, и такимъ образомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба. Но мальчикъ не убоялся нужды и тяжелыхъ испытаній, неизбѣжно ожидавшихъ его въ чужомъ городѣ. Рѣшившись искать образованія въ Берлинѣ, онъ добрался одинъ изъ Дессау до Розентальскихъ воротъ бранденбургской столицы, единственныхъ, въ которыя могли проходить пришельцы-евреи, добрался въ смутномъ ожиданіи образовательной помощи отъ бывшаго своего учителя, теперь главнаго раввина, Френкеля.

Самая горькая нужда не замедлила наложить на пришлаго юношу свою тяжелую лапу въ Берлинѣ. Нищета его доходила до того, что, покупая себѣ хлѣбъ на недѣлю, онъ долженъ былъ огнищать на немъ свои денныя порціи, чтобы къ концу недѣли не остаться и совсѣмъ безъ пищи. Живя гдѣ-то подъ крышей, онъ зарабатывалъ копейки перепиской, которую доставлялъ ему Френкель; но страсть къ ученю не покидала его ни на минуту. Еврею въ то время было очень трудно пробиться въ христіанской средѣ. Никакого общенія между христіанами и евреями не существовало. Образовательныя средства, доступныя для христіанъ, были совершенно недоступны для евреевъ; но еслибъ они и были доступны, то нетерпимость

раввиновъ не остановилась бы ни передъ тѣмъ, чтобы недопустить евреевъ до христіанскаго образованія. Кромѣ личныхъ сношеній съ немногими, сравнительно болѣе просвѣщенными, единовѣрцами, юному пришельцу негдѣ было бы чему нибудь научиться, если-бъ у него не достало характера и воли, чтобы собственными силами преодолѣть неимоверныя трудности своей задачи и своего положенія. Мало того, что онъ не могъ получить никакого систематическаго обученія, онъ еще долженъ былъ тщательно утаивать свои занятія отъ единовѣрцевъ, чтобы не подвергнуться высылкѣ изъ Берлина.— „Я предвижу, что онъ составитъ честь своей націи“, писалъ о немъ Лессингъ: „если только ему дадутъ созрѣть собственные его единовѣрцы, всегда движимые несчастнымъ духомъ преслѣдованія противъ подобныхъ людей“. Евреи не останавливались передъ произвольными мѣрами, когда замѣчали въ своемъ единовѣрцѣ признаки зараженія зловреднымъ нѣмецкимъ просвѣщеніемъ. Тайно пришлось ему сдѣлать первый, важнѣйшій шагъ къ общему образованію—выучиться по-нѣмецки. Одинъ еврей, указаніями котораго онъ пользовался въ этомъ дѣлѣ, былъ пойманъ въ то время, когда несъ ему нѣмецкую книгу, и тотчасъ высланъ изъ города старшиною еврейской общины. Еврейскій врачъ, Кишъ, втеченіе полугода, ежедневно по четверти часа, помогалъ ему въ изученіи латинскаго языка, другой обучалъ его французской грамотѣ; но эта помощь была каплей въ морѣ въ сравненіи съ тѣми знаніями, которыя онъ усвоилъ себѣ внослѣдствіи.

Матеріальное положеніе молодого Мендельсона нѣсколько улучшилось лишь въ 1750 году. Двадцати-одного года отъ роду, онъ получалъ приглашеніе занять мѣсто домашняго учителя въ семьѣ фабриканта шелковыхъ издѣлій, богатаго берлинскаго еврея Бернгарда. Мѣсто домашняго учителя разомъ сняло съ него заботы о насущномъ хлѣбѣ, а въ свободные часы онъ съ жадностью продолжалъ изучать все, что только могло быть доступно ему въ то время. Древніе и новые языки, математика, литературные и философскіе вопросы—все привлекало его, но, разумеется, урывками. Онъ быстро схватывалъ понятія, быстро овладѣвалъ изучаемымъ предметомъ; но пробѣлы въ его образованіи были неизбѣжны. Самъ онъ часто жаловался потомъ на свое малое знакомство съ исторіей. „Что знаю я въ исторіи?“ писалъ онъ въ 1765 году своему другу, историку Абту. „То, что носить названіе исторіи: естественная исторія, исторія земли, государственная исторія, исторія науки, — никогда не шло мнѣ въ голову, и я всегда злѣю, когда долженъ читать что-нибудь историческое, если меня не ободритъ самый способъ изложенія. Мнѣ кажется, исторія принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, которыя нельзя научиться безъ учителя“. Онъ

писалъ о томъ-же въ другомъ мѣстѣ: «Скажите же мнѣ, дорогой другъ, что мнѣ дѣлать, чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе объ исторіи древнихъ и новыхъ временъ? До сихъ поръ я считалъ исторію больше наукой гражданна, чѣмъ наукой человѣка, и думалъ, что человѣкъ, не имѣющій отечества, не можетъ извлечь для себя никакой пользы изъ исторіи. Но я вижу теперь, что исторія гражданскихъ порядковъ не совпадаетъ съ исторіей человѣчества, и что нельзя оставаться совершеннымъ невѣждой въ ней. Съ чего начать? Приняться-ли самому за источники, или довольствоваться тѣми всемірными исторіями, которыя съ нѣкотораго времени въ такомъ большомъ ходу? И какую изъ нихъ вы мнѣ рекомендуете?»

Но время не благопріятствовало историческимъ занятіямъ. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка возникали одинъ за другимъ крупныя литературныя и философскія вопросы: они поглощали всего человѣка, принимавшаго ихъ къ сердцу, отъ нихъ надо было отправляться во всякой умственной работѣ, они одни расчищали путь къ знанію, заваленный разнообразными историческими наносами и наслоеніями. Въ этихъ вопросахъ нѣмецкая образованность встрѣчалась съ общечеловѣческими вѣніями времени, и мыслящій, любознательный еврей долженъ былъ прикнѣуть къ живымъ ея задачамъ, чтобы стать въ уровень съ современностью и проложить своимъ единовѣрцамъ дорогу къ лучшему будущему.

Достигнувъ неимоверными усиліями замѣчательнаго по тому времени умственнаго развитія и нѣкоторыхъ знаній, Мендельсонъ сблизился съ лучшими тогдашними нѣмецкими литературными силами; Лессингъ и Николай стали его друзьями. Въ тѣсномъ союзѣ съ ними, онъ открылъ тѣ смѣлыя литературныя походы противъ умственнаго застоя, религіозной нетерпимости и моднаго подражанія французамъ, которые доставили ему извѣстность даровитаго нѣмецкаго писателя еврейскаго происхожденія. Въ то время вопросъ религіозной терпимости былъ вопросомъ первой важности для мыслящихъ людей. То былъ вопросъ о свободѣ мысли и совѣсти вообще, о завоеваніи ей правъ гражданства въ государствѣ и литературѣ. Въ своемъ широкомъ и общемъ значеніи, онъ обнималъ не только судьбы того или другаго отдѣльнаго вѣроисповѣданія, но и судьбы всей умственной жизни человѣчества. Онъ имѣлъ поэтому высокую важность не для однихъ униженныхъ и отверженныхъ евреевъ, онъ становился вопросомъ жизни для самого нѣмецкаго народа, и на немъ-то именно сошлись прежде всего люди двухъ разобщенныхъ между собою національностей и вѣрованій, какъ Лессингъ и Мендельсонъ. Порвавъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ съ римско-

католическимъ церковнымъ преданіемъ, нѣмецкій протестантизмъ тѣмъ крѣпче уцѣпился потому за букву своего вѣроученія, что духъ реформаціи въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи долженъ былъ равно или поодино коснуться и его церковнаго авторитета. Протестантизмъ сталъ исключителемъ, нетерпимъ, сталъ относиться враждебно къ критической работѣ мысли, пользуясь въ этомъ направленіи полнымъ содѣйствіемъ свѣтской власти, государства. Отъ его союза съ властью терпѣли не одни евреи, но одни иновѣрцы; отъ него терпѣли общіе интересы нѣмецкой народной жизни и мысли. Сблизившись въ горячую пору борьбы за великій принципъ свободы, Лессингъ и Мендельсонъ разошлись впоследствии въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ. Великій представитель тогдашняго возрожденія нѣмецкой литературы, Лессингъ, пошелъ дальше представителя еврейской интеллигенціи, Мендельсона; самостоятельно работая въ одномъ съ нимъ направленіи, Лессингъ пришелъ къ идеямъ Спинозы, которыя всегда оставались чужды его еврейскому союзнику. Кругозоръ и задачи Лессинга были шире уже по самому его воспитанію, по принадлежности его историческому народу, призванному продолжать великое дѣло общечеловѣческой образованности. Мендельсонъ, напротивъ, по необходимости имѣлъ прежде всего въ виду печальную судьбу своего несчастнаго племени. Но въ принципѣ оба они, и Лессингъ, и Мендельсонъ, стояли за одно кровное дѣло челоуѣчества, которому оба оказали большія услуги. Плодомъ ихъ литературной дѣятельности было, съ одной стороны, широкое развитіе нѣмецкой литературы и науки, съ другой—умственная и гражданская эманципація еврейскаго племени въ Германіи.

Замѣчательно, что первую философскую нѣмецкую книгой, которую прочелъ молодой Мендельсонъ, былъ трактатъ Рейнбака объ аугсбургскомъ исповѣданіи, случайно найденный имъ у одного еврейскаго закладчика. Приведенные въ этомъ трактатѣ доводы бытія Божія раскрыли передъ нимъ, не имѣвшимъ до тѣхъ поръ никакого понятія о христіанской теологіи и философіи, совершенно новый міръ. Съ неизвѣрнымъ трудомъ прочелъ онъ потомъ латинскій переводъ знаменитаго сочиненія Локка о познавательныхъ способностяхъ челоуѣка. Извѣстный въ то время книгопродавецъ-издатель и другъ Мендельсона, Николай, рассказываетъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ перепискѣ Мендельсона съ Лессингомъ, что первый отыскивалъ въ лексиконѣ каждое непонятное ему слово — а такихъ словъ въ переводѣ Локка было больше, чѣмъ понятныхъ, пока ему не удалось грамматически понять два, три періода. Потому онъ принимался выискивать въ ихъ смыслъ. Локкъ всегда оставался потому главнымъ руководителемъ

Мендельсона въ его литературныхъ и философскихъ работахъ; но и другіе англійскіе мыслители и моралисты, особенно Шафтсбери, имѣли на него, какъ и на многихъ образованныхъ людей тогдашней Германіи, огромное вліяніе. Рядомъ съ англійскими писателями, онъ изучалъ философскіе системы Вольфа и Лейбница, и, пользуясь ими, выработалъ себѣ извѣстныя основныя, чисто-метафизическія положенія, которымъ оставался вѣрнѣе всю жизнь, между тѣмъ какъ другъ его Лессингъ самостоятельно освободился изъ-подъ вліянія быстро старѣвшей въ то время лейбницевольтфовою философіи.

II.

Духъ сомнѣнія и самостоятельной провѣрки установившихся понятій овладѣлъ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка всѣми, кого хотя сколько нибудь коснулись просвѣтительныя идеи времени. Въ высшихъ слояхъ нѣмецкаго общества господствовало вліяніе французскихъ писателей, и даровитѣйшимъ представителемъ этой среды былъ Фридрихъ Великій. Въ ученыхъ, литературныхъ и сколько-нибудь образованныхъ среднихъ слояхъ преобладало, напротивъ, вліяніе нѣмецкихъ мыслителей Лейбница и Вольфа, и англійскихъ деистовъ. Мендельсонъ былъ только выразителемъ общаго настроенія этихъ слоевъ, когда писалъ въ своемъ первомъ сочиненіи— „Философскихъ Бесѣдахъ“: «Вамъ, Локкъ и Вольфъ, и тебѣ, безсмертный Лейбницъ, ставлю я вѣчный памятникъ въ моемъ сердцѣ; васъ самихъ я никогда не зналъ, но ваши невабвенныя творенія, которыхъ не читаетъ большой свѣтъ и къ которымъ, въ часы уединенія, я обращался съ жолбою о помощи, навели меня на вѣрный путь къ истинной мировой мудрости, къ познанію самого себя и своего происхожденія; они глубоко начертали въ душѣ моей священныя истины, на которыхъ зиждется мое счастье, они воспитали меня!» Въ то время какъ высшее общество, только по виду походившее на своего мыслящаго короля, довольствовалось моднымъ, игривымъ и легкимъ скептицизмомъ, группа талантливыхъ литературныхъ работниковъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Лессингу, съ жаромъ принялась за популяризацию и распространеніе первыхъ результатовъ свободнаго изслѣдованія. Эти популярныя философы не были великими самостоятельными мыслителями, творцами новыхъ философскихъ системъ; но они были просвѣтителями страны въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, они расчистили и засѣли поле, которое принесло потомъ роскошный плодъ. Всѣ они были деистами, въ смыслѣ Локка и Вольфа. Спиноза не былъ понятъ ими, за исключеніемъ Лессинга, который къ

концу жизни вышелъ изъ рамокъ тогдашней популярной философіи, и дошелъ до Спинозы одинъ, силою своего необыкновеннаго таланта. Будучи популярными, практическими мыслителями и моралистами, они допускали и откровеніе, по скольку оно согласовалось въ ихъ глазахъ съ тѣмъ, что они признавали естественной религіей разума. Крупное историческое значеніе ихъ заключается не въ чисто-научныхъ ихъ работахъ, а въ глубокомъ, просвѣтительномъ вліяніи на общество и на самую жизнь. До конца боролись они противъ тѣхъ темныхъ силъ и мнѣній, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, которыя служили преградой новымъ стремленіямъ къ свободѣ вѣрованій и убѣжденій. Въ религіозной сферѣ борьба эта не приняла въ Германіи того безусловно-отрицательнаго и страстнаго характера, каковой имѣла она въ католическихъ странахъ, особенно во Франціи; нѣмецкіе просвѣтителѣ нападали не на христіанство вообще, а только на условія и формы церковной жизни, задерживающія движеніе, на нетерпимость и властолюбіе церковниковъ. Въ этихъ предѣлахъ они вели свою просвѣтительную борьбу съ замѣчательною стойкостью, силой и послѣдовательностью. Просвѣщенное правленіе Фридриха Великаго вполне развязывало имъ руки. Въ то время, въ виду военныхъ обстоятельствъ, прусскій подданный былъ обремененъ и налогами, и ненужными административными формальностями, стѣснявшими его въ обыденной жизни; но онъ могъ свободно высказываться въ печати, могъ публично обсуждать вопросы философіи, религіи, морали. Мендельсонъ, принадлежавшій самъ къ издавна отверженной и угнетенной религіи, смѣло могъ высказывать тогда свое мнѣніе о необходимости полнаго отдѣленія церкви отъ государства—мнѣніе, которое и теперь, сто слишкомъ лѣтъ спустя, еще только приближается къ своему осуществленію. Геттнеръ, въ своей „Исторіи литературы восемнадцатаго вѣка“, остроумно говоритъ о популярной философіи тогдашнихъ просвѣтителѣ Германіи, что именно ихъ научная слабость до Канта и составляла ихъ историческую силу. Только въ этой формѣ могли проникнуть въ массу просвѣтительныя идеи вѣка. Въ общемъ стрѣѣ понятій совершалось относительно спокойная и медленная, но глубоко проникавшая умы и неувлаживаемая реформа. Она распространялась не на одну только область религіозныхъ воззрѣній, но кореннымъ образомъ затронувала и перерабатывала идеи права и морали. Нѣмецкіе популярные философы любили поэтому сравнивать свою дѣятельность съ дѣятельностью Сократа. Мендельсонъ впагалъ ему въ уста свои соображенія о безсмертіи души, Эбергардъ—свое новое ученіе о нравственности. Человѣкъ и его назначеніе, его внутренній міръ и отношеніе къ обществу были любимыми ихъ

предметами самого тщательного и всестороннего изслѣдованія, и все, что въ дѣйствительномъ мірѣ не отвѣчало правамъ и назначенію человѣка, подвергалось ихъ рѣшительной и неумолимой критикѣ. Отсюда дѣятельные попытки анализировать нравственные и эстетическія побужденія и ощущенія человѣка, отсюда ярко выдающееся стремленіе того времени поднять уровень общественнаго воспитанія и развитія и способствовать освобожденію низшихъ классовъ.

Самеучка Мендельсонъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей этой плодотворной эпохи, во главѣ которой стояли, съ практической стороны Фридрихъ Великій, съ литературной—Лессингъ. Знакомство Мендельсона съ Лессингомъ относится къ началу 1754 года. Оба они были еще въ цвѣтѣ молодости: каждому было не больше двадцати-четыре лѣтъ. Общіе интересы сблизили ихъ, и они оставались друзьями и сотрудниками въ общемъ дѣлѣ до самой смерти Лессинга, раньше сошедшаго въ могилу. Впослѣдствіи самъ Мендельсонъ рассказывалъ своему сыну Іосифу, какъ неожиданно Лессингъ преобразилъ его въ писателя. Въ 1754 году Мендельсонъ передалъ ему на просмотръ свою рукопись: „Философскія Бесѣды“; прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а Лессингъ все молчалъ о ней при встрѣчахъ съ своимъ пріателемъ. Когда послѣдній рѣшился, наконецъ, спросить, прочелъ-ли онъ его сочиненіе, Лессингъ вручалъ ему это сочиненіе, въ видѣ книги: онъ напечаталъ его, сюрпризомъ для автора, у своего издателя Фосса. Главною цѣлью этихъ „Бесѣдъ“ была популяризація, распространеніе и защита философіи Лейбница противъ нападокъ, которые только-что были направлены на нее Вольтеромъ въ „Кандидѣ“. При тогдашнихъ условіяхъ, это было очень важно. Вольтеръ былъ любимецъ великаго короля, который отрицалъ всякое значеніе нѣмецкой науки, считалъ ее тяжеловѣсною, неуклюжей, непригодной для отраженія блестящихъ идей своего времени, и упорно оставался поклонникомъ французскаго языка, идей и литературы. Король былъ правъ въ томъ смыслѣ, что нѣмецкая литература нуждалась въ радикальномъ обновленіи; но именно необходимость ея обновленія всего лучше сознавали литературные дѣятели того времени; они только не относились къ возможности желаннаго обновленія съ такимъ предубѣжденіемъ, съ такимъ пессимизмомъ, какъ Фридрихъ. Они отстаивали поэтому все то, что представляла лучшая прежняя и современная литература, особенно Лейбница и Вольфа, и, вмѣсто блестящихъ французскихъ нравовъ и идей, которыми жило всю дню въ день высшее общество, усвоили себѣ и распространяли въ публикѣ просвѣтительныя идеи солидныхъ англійскихъ дѣлцовъ. Они тоже хотѣли под-